

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ
ДРЕВНИХ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ОСНОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Максим Ююкин

В предлагаемой статье рассматривается происхождение некоторых личных имен, известных из средневековых источников, в разных славянских языках. Некоторые из них не засвидетельствованы в самостоятельном употреблении и реконструируются на основе антропонимических и (или) топонимических производных.

Возможности лексико-семантической реконструкции в области антропонимии обусловлены совокупностью трех типов системных связей, в которые личные имена вступают в процессе своего возникновения и функционирования: отношениями внутри антропонимической системы, отношениями с апеллятивной лексикой и отношениями между антропонимической и другими онимическими (прежде всего топонимической) системами. Найти точку пересечения всех этих связей и означает объяснить древний антропоним в его конкретной дошедшей до нас форме. Интерпретация антропонима предполагает установление (разумеется, по мере возможности) как его первичных параметров, характеризующих место имени в антропонимической системе (производящей основы, словообразовательного элемента, ареала распространения, степени частотности), так и вторичных явлений, отражающих его функционирование в процессе коммуникации (фонетических и морфонологических изменений, искажений в иноязычной среде).

Антропонимическая система является более подвижной и изменчивой по сравнению с топонимической, поэтому о существовании многих имен известно только благодаря тому, что они сохранились в качестве мотивирующих основ географических названий. Важное место, которое антропонимическая мотивация занимает в процессе образования топонимов,¹ обуславливает тот факт, что топонимия является поистине

¹ Так, Ф. Миклошич собрал и систематизировал тысячи славянских ойконимов, образованных от 373 наиболее типовых антропонимических основ (*Miklosich F. Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im Slavischen. Wien, aus der Kaiserlich-Königlichen*

неисчерпаемым источником для реконструкции антропонимической лексики.

В.-луж. *Chrjebja*

Верхнелужицкий ойконим *Chrjebja* (*Krjebja*)-Nowa Wjes (нем. *Kreba*(-Neudorf); округ Гёрлиц) известен с начала XV в.: “Crobe”, 1409 г.; “Kröbe”, 1419 г.; “Crebischen heyden”, 1453 г.; “Crobe”, 1490 г.; “Crebe”, 1511 г.; “Kroebaw”, 1658 г.; “Creba”, 1768 г.; “Krebjja”, 1800 г.; “Křebja”, 1843 г.; “Krjebja”, 1885 г.; “Krjebja”, 1959 г.; с учетом этих форм он интерпретируется как образованный от антропонима с основой, восходящей к прсл. **korb-* ‘короб’.² Однако принимая во внимание характер искажений, которым в латинских и немецких источниках подвергаются славянские имена собственные, представляется вполне вероятным, что исконной, этимологически правильной формой этого топонима является все же совр. в.-луж. *Chrjebja*: ср. такие написания, как др.-польск. *Kroth* вместо *Chrewt* (из **xrbьtь*; эта форма сохраняется и в современной топонимии), *Chrobtowce* вместо *Chreptowce* (топонимы), личное имя *Crothek* вместо *Krethek*; луж. *Ch-* в топонимах, как известно, часто передается через нем. *K-*, ср. н.-луж. *Chasow* – *Caaso*, *Chmьlny* – *Kmehlen*, *Chochol* – *Kuckelsberg*, *Chójnik* – *Kenig*, *Chótm* – *Kulm* и *Culm*, *Chromola* (*Kromola*) – *Kromlau*, *Chusej* – *Kausche*, да и на славянской почве при неустойчивости начального *K-/Ch-* последний вариант далеко не всегда вторичен, ср. чеш. *Křenov* < *Chřenov*, *Křepice* < *Chřěpice*, *Křepiny* < *Chěpín*.³ Перечень подобных примеров можно было бы продолжать долго. Форма *Kr(j)ebja*, употреблявшаяся с начала XIX в., отражает фонетические осо-

Hof- und Staatsdruckerei, 1864). Как показало наше исследование древнерусской летописной ойконимии, личными именами мотивирована третья часть от общего числа названий, причем эта процентная доля остается неизменной на протяжении всей древнерусской эпохи (см. Ююкин М.А. Древнерусская ойконимия IX-XIII вв. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 2003. С. 148; *Ego же*. Ойконимия русских летописей XIV-XVII вв. Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing, 2013. С. 377).

² *Eichler E., Walther H.* Ortsnamenbuch der Oberlausitz. Berlin, Akademie-Verlag, 1975-1978, Bd. 2. S. 146; *Eichler E.* Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neiße. Bautzen, Domowina-Verlag, 1985-2009, Bd. II. S. 76 и др.

³ *Rymut K.* (red.). Nazwy miejscowe Polski. Kraków, IJP PAN, 1996-, t. II. S. 81; *Taszycki W.* (red.). Słownik staropolskich nazw osobowych. Wrocław, Zakład narodowy im. Ossolińskich – Wyd.-wo Polskiej Akademii Nauk, 1965-1972, t. III. S. 140; *Muka E.* Słownik dolnosербскеje řecy a jeje nařešow. Петроград, Издание Отделения Русского языка и словесности Российской Академии наук-Praha, Nákladem České Akademie věd a umění, 1921-1928, t. III. S. 145-146; *Profous A.*, *Šmilauer V.*, *Svoboda J.* Místní jména v Čechách. Praha, Česká Akademie věd a umění (Československá Akademie věd), 1947-1960, t. II. S. 386 n.

бенности начального верхнелужицкого *ch-*, подобно написаниям *krěn* < *chrěn*, *kriebet*, *krjebet* < *chribjet*.⁴ Таким образом, история форм этого ойконима в памятниках письменности может быть представлена не как его эволюция, а напротив, как движение к аутентичности путем постепенного освобождения от иноязычных искажений и утверждения приоритета кодифицированной орфографической нормы, учитывающей исконное качество звука, перед фонетическим принципом письма. Именно из такого направления развития исходит Х. Шустер-Шевц, отнесший *Krjebja* к тому же корню, что и в в.-луж. *chribjet*, видя в основе этого топонима орографическую мотивацию – обозначение возвышенности.⁵

Этимологические данные также позволяют обосновать возможность исконности формы *Chrjebja*. Антропонимическая основа **Chrjeb-*, эндемичная на лужицкой почве и оформленная притяжательным формантом **-jъ* (*-a*, *-e*), соотносится с сербскими личными именами *Хреба*, *Хребель*, *Хребель* – все уменьшительные от *Хребельан*, упоминаемого в XIV-XV вв., также фамилия *Hrebeļanović*, известная в XV в. Имеются также топонимы, образованные от имени с этой основой: *Hrebine*, *Hrebines*, названия сел в Хорватии.⁶

Нарицательные слова, позволяющие прояснить значение этой основы, известны только в сербскохорватском языке: *hreb*, *hrebļe* ‘пень, ствол’, производные *hrebļast*, *hrebļav* ‘полный скал, камней (о месте)’, *hreber* ‘изувеченное тело, без члена’.⁷ Таким образом, антропонимическая основа названия *Chrjebja* относится к числу лужицко-сербскохорватских изолекс, подобно в.-луж. *česel* ‘гребень’ - с.-хорв. *čешаль* ‘то же’; в.-луж. *čěrić*, н.-луж. *šěriš* ‘гнать’ - с.-хорв. *tјерати* ‘то же’; в.-луж. *črij* ‘башмак, сапог’, н.-луж. *crjej* ‘башмак’, *crjeja* ‘Pflugsohle’ – с.-хорв. *црѣвља* ‘башмак’; в.-луж. *trać*, н.-луж. *traś* ‘продолжать’ – с.-хорв. *трајати*, болг. *трая* ‘то же’.⁸ В современном языке слово *хрѣб* ограничено в употреблении: РСХКJ приводит его с пометой “устаревшее”, а словарь Н. И. Толстого – “областное”; остальные слова с этим корнем в данных словарях

⁴ Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, Domowina-Verlag, 1978-1989, H. 5. S. 400.

⁵ Там же. S. 401.

⁶ Грковић М. Речник личних имена код Срба. Београд, Вук Караџић 1977. С. 205; Daničić Ђ. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1880-1976, d. III. S. 691; Registar geografskih imena Republike Hrvatske. Zagreb, Državna geodetska uprava, 2010. S. 92.

⁷ Daničić Ђ. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Там же.

⁸ См. Трубачев О.Н. О составе праславянского словаря // Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Т. 1. М., Языки славянских культур, 2004. С. 290.

вообще не упоминаются.⁹ Что касается семантической типологии, то Э. Эйхлер (1970, 190-192) указывает несколько лужицких ойконимов, образованных от слов со значением ‘пень, ствол’, которые также не известны в лужицких языках и реконструируются на основе сопоставлений с лексикой других славянских языков: *Knau* : *Knowe*, 1150 г. (*keń*); *Kertzsch* : “campus Kirtze”, 1143 г. (*korč*); *Gieckau* : “zu dem Kicke”, 1350 г. (*kyka*); *Zschöpperitz* : *Zioporice*, 1140 г. (*čepor*); *Truppen* : в.-луж. *Trupin*, 1364/78 гг. (*trup*); *Peres* : “de Porez”, 1150/70 гг. (*parěz*).¹⁰ Притяжательная (*Knowe*, *Trupin*) и патронимическая (*Zioporice*) структура некоторых из этих названий позволяет предположить, что и в них эти основы имеют антропонимический характер.

П. Скок сравнивает слово *hreb*, диал. *hrev* с *hrib* ‘холм’, возводимым им к дороман. *grippa*, ит. *greppo* “скала”, и приводит примеры его употребления без начального *h-*, в ономастике – фамилии *Rèba*, *Rebić*, топонимы *Rebelj*, *Rebeljani*, *Rebeljska reka*; к этому списку следует добавить фамилии *Reb*, *Rebac*, *Rebak*, *Rebec*, *Rebek* и др., ойконимы *Rebani*, *Rebići* (2) (все в Хорватии). Ср., однако, реконструируемый О.Н. Трубачевым несохранившийся глагол **xrebtī*, лежащий в основе семьи слов **xroboti* ‘грызть, хрустеть’ и др. (ср. особенно словин. *χrqbac* ‘точить дерево’, с другой глагольной темой – *χrabolēc* ‘то же’, что напрямую соотносится со значением срх. *hreb*, *hrebļe*), где *x-* < *sk-*, и, далее, **skrebtī*, **xrěbьть*, **xribьть*, **xribь* ‘холм’,¹¹ что на уровне корневой этимологии соответствует предположению Х. Шустера-Шевца о связи рассматриваемого ойконима с последними словами.

Др.-русс. *Дормислова поляна*, *Нитничи*, *Слепет(ъ)ковъ*, *Хобыль* (*Хобыла*)

Первая часть ойконима *Дормислова поляна*: “Дормислову поляну”, [1427-56 гг.],¹² название деревни в Рязанском княжестве, видимо, проис-

⁹ Речник српскохрватскога књижевног језика. Загреб-Нови Сад, Матица српска-Матица хрватска, 1967-1973, књ. VI. С. 749; Толстой Н.И. Сербскохорватско-русский словарь. М., Русский язык, 2001. С. 652.

¹⁰ Эйхлер Э. К вопросу о реконструкции древнелужицкого словарного состава // Л.Э. Калнынь (отв. ред.), Исследования по серболужицким языкам. М., Наука, 1970. С. 190-192.

¹¹ Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, JAZU, 1971-1974, t. I. S. 686; Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. Zagreb, Institut za jezik, 1976. S. 555; Imenik mesta u FNRJ. Beograd, Politika, 1953. S. 507; Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков. М., Наука, 1974-, вып. 8. С. 96, 99.

¹² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., Изд. АН СССР, 1952-1964, т. III. С. 330.

ходит от имени **Дорогомысль*, соответствие которому в ‘чистом’ виде известно лишь в древнепольском (“Drogomizl”, 1136 г.)¹³ и поморском (древнекашубском) (“Dargemiyzle”, XII в.)¹⁴ языках; М. Морошкин, приводит еще имя *Драгомысл*, упоминаемое под 1835 г. в краковском источнике;¹⁵ судя по фонетическому облику, оно имеет чешское происхождение. Остальные случаи фиксации этого антропонима касаются исключительно производных, притяжательных (преимущественно топонимических) образований: русск. Дорогомышка, бывший Белевский уезд Тульской губернии (где эта основа также предстает в искаженном, затемненном виде); польск. *Drogomyśl*, Бельское воеводство, гмина Струмень, 1454 г.: “Drogomissl”; др.-чеш. *Drahomyšlův*: “dceru Drahomyšlowu”, 1547 г., патроним, чеш. *Drahomyšl*, *Drahomyšle*, 1115 г. (список XIII в.): “Dragomisle”, 1388 г.: “Velislao de Drahomišl”, ойконим; словен. *Dragomisl*, 1490 г., ойконим с неизвестной локализацией, предположительно отождествляемый с названием *Dragomelj*.¹⁶ В ЭССЯ антропоним **Dorogomyslъ* отсутствует.

Стяжение в названии *Дормислова поляна* аналогично др.-русс. *Радощь*: “у Радоща”, Ипатьевская летопись (ПСРЛ, 1962, с. 477), 1155 г., Черниговское княжество, из **Радогощь*, ср. современную форму этого названия *Радогост*.¹⁷

Известное по единственному упоминанию в псковской грамоте XV в. название села *Нитничи*: “село же свое в Нитничи”¹⁸ содержит антропонимическую основу *Нит-*, встречающуюся в древнем именнике восточно- и западнославянских языков: др.-русс. *Перенитъ*, 1078 г., *Нитинъ* 1) 1539 г., 2) 1684 г.; ст.-укр. *Нит*, *Нита*; др.-польск. *Nitocha*, fem.,

¹³ *Taszycki W.* (red.). Słownik staropolskich nazw osobowych. Т. I. S. 522.

¹⁴ *Железняк И.М.* К семантической интерпретации антропонимических композитов со вторым компонентом *-mysl-* в сербскохорватском языке // Р.В. Булатова (отв. ред.), Исследования по сербскохорватскому языку. М., Наука, 1972. С. 160;

¹⁵ *Морошкин М.* Славянский именовослов. СПб., Тип. II отдельной собственной Е. И. В. канцелярии, 1867. С. 77.

¹⁶ Списки населенных мест Российской империи. XLIV. Тульская губерния. СПб., Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. 1862. С. [173]; *Rymut K.* (red.). Nazwy miejscowe Polski. Т. II. S. 427; URL: <https://vocabulary.ujc.cas.cz/> (20.7.2017); *Bezljaj F.* Slovenska vodna imena. Ljubljana, SAZnU, 1956-1961, t. I. S. 124.

¹⁷ Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М., Издательство восточной литературы, 1962. С. 477; см. *Ююкин М.А.* Этимологический словарь летописных географических названий северной и восточной Руси. М., ФЛИНТА, 2015. С. 239.

¹⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., Изд. АН СССР, 1949. С. 329.

1490 г., *Nitowicz*), 1453 г.; др.-чеш. *Nitibor*, 1418 г.¹⁹ Ввиду наличия двучленных антропонимов с этой основой одноосновные следует считать гипокористическими производными от них. Польские имена *Nitka*, *Nitochka* объясняются из прсл. **nitь*.²⁰ С точки зрения номинационных закономерностей образования славянских композитных имен более вероятным представляется заимствование из др.-герм. **neid*: гот. *neīþ* ‘зависть’, др.-исл. *nīð* ‘позор, оскорбление’, др.-англ. *nīð* ‘вражда, битва’, др.-сакс. *nīth*, *nīð* ‘ненависть, вражда’, д.-в.-н. *nīd* ‘гнев (в битве)’, ср. *Eggiunit*, *Ascunide*, *Bennid*, *Pertnid* (что точно соответствует др.-русс. *Перенуть*, если учесть закономерное упрощение *-tn-* > *-n-*), *Gernid*, *Hacunit*, *Haeilnit*, *Hartnid*, *Aruid*, *Hunnid*, *Ortnit*, *Sauctonidia*, *Unnid*, *Wasnid*, *Nid* (*Nitho*, *Nitto*, *Neide*, *Nied*, *Niete*, *Nieth*, *Nietie*), *Nithbald*, *Nitfalia*, *Nitigis*, *Nidhart*, *Nithildis* и другие личные имена.²¹

В новгородской грамоте на бересте (№ 417), датируемой 10-30 гг. XIV в., упоминается отчество *Слепет(ъ)ковъ*: “Фодорку Слепеткову съз братъю”, происходящее от незасвидетельствованного имени **Слепет(ъ)къ* или **Слепет(ъ)ко*. А.А. Зализняк пишет о нем следующее: “Имя (или прозвище) *Слепетко* недостаточно ясно; ср. дер. *Слепетне* (НПК, II, 832), *Сльпетно* (V, 580)”.²² Помимо этого производного, антропонимическая основа *Слепет-* засвидетельствована только в чрезвычайно редкой фамилии *Слепетов* (запрос в сети Интернет дает лишь единичные ссылки с ее упоминанием), сюда же топоним *Слепетова*, деревня в бывшем Новоторжском уезде Тверской губернии.²³ Ср. еще единичную фиксацию фамилии славянского происхождения *Slepetic* в неславянской среде.²⁴

¹⁹ *Морошкин М.* Славянский именослов. С. 149; *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. 2-е изд. М., Русский путь, 2004. С. 667; *Чучка П.* Прізвища закарпатських українців. Історико-етимологічний словник. Львів, Світ, 2005. С. 489; *Taszycki W.* (red.). Słownik staropolskich nazw osobowych. T. IV. S. 69; URL: <https://vocabulary.ujc.cas.cz/>.

²⁰ *Cieślakowa A., Malec M., Rymut K.* (red.). Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych. Część I: Odapelatywne nazwy osobowe. Kraków, IJP PAN, 2000. S. 187.

²¹ *Топорова Т.В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., Языки русской культуры, 1996. С. 57; *Förstermann E.* Altdeutsches Namenbuch. Bd. I: Personennamen. Nordhausen, 1856. S. 956-957.

²² *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., Языки русской культуры, 1995. С. 545.

²³ Списки населенных мест Российской империи. XLIII. Тверская губерния. СПб., Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1862. С. 442.

²⁴ The Pittsburgh Press. Sunday, March 17, 1963. P. 44 // Url: www.newspapers.com (20.7.2017).

Этимологически основа *Сленет*- представляет собой форму совершенного вида глагола **lepetati/*lepotati/*lepyati* ‘порхать, трепетать, издавать звук, характерный для трепетания; болтать, лепетать и под.’ (в антропонимии укр. *Ленетчук*, хорв. *Lepetan, Lepetić, Lepitak*, фамилии), ср. с.-хорв. *сленетати се* ‘слететь затрепетав, замахав крыльями’.²⁵

Из писцовых книг Деревской пятины 1538/39 гг. известны парные топонимы *Хобыла*, название реки и села в Курском погосте; под 1542/43 гг. приводится в форме *Хобыль*, позднее – *Хоболь*, в бывшей Губинской волости Старорусского уезда Новгородской губернии.²⁶ Основа, в конечном счете, к прсл. [**xab-/*] **xob-*: **xabati, *xabьнь* ‘плохой, грязный, слабый, поношенный и т.п.’, русск. диал. (пск., твер.) *хобень* ‘мешковатое платье’.²⁷ Первичным компонентом этой связки является, скорее всего, ойконим антропонимического происхождения, в пользу чего говорит употребительность вариантов этой основы в личных именах и фамилиях (укр. *Хобаль*, польск. *Chobol, Chobel*, др.-чеш. *Chobol, Chobolka*, хорв. *Hobela, Hobola, Hobolić, Hobolja*), а также в названиях населенных пунктов с прозрачной посессивной структурой (русск. *Хобылково*, деревня в Шелонской пятине, 1498–1576 гг., *Хоблино*, в бывшем Духовщинском уезде Смоленской губернии, *Хобалево*, в бывшем Гороховецком уезде Владимирской губернии; польск. *Chobielin*, Быдгощское воеводство; др.-чеш. *Chobolici, Chobolec, Chobolka*; хорв. *Hobolici*; менее очевиден антропонимический характер основы названия *Хобень*, деревня в Пажеревицком погосте Высокогородского уезда Шелонской пятины, 1498–1576 гг.), тогда как гидронимы с корнем **xob-* практически неизвестны (единственное исключение – *Хобня*, форма названия правого притока Озерны (бассейн Оки) на карте середины XIX в.; в более раннее время известна в формах с корневым *a*: *Охабенка* (XVI в.), *Хабиня* (XVIII в.); совр. *Хабня*).²⁸

²⁵ См. Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Вып. 14. С. 125–126; Чучка П. Прізвища закарпатських українців. С. 334; Речник српскохрватскога књижевног језика. Књ. 4. С. 851.

²⁶ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. М., Древлехранилище, 2004. С. 248, 304, 479; Списки населенных мест Новгородской губернии. Вып. III. Старорусский уезд. Новгород, Новгородский губернский статистический комитет, 1909. С. XIII.

²⁷ См. Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Вып. 8. С. 47.

²⁸ Чучка П. Прізвища закарпатських українців. С. 586; Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., Типография Г. Лисснера и Д. Совко 1914. С. 316, 319; Списки населенных мест Российской империи. XXXVIII. Смоленская

Некоторые имена с основой **-myslъ*: с.-хорв. **Meremisl*, помор. (др.-кашуб.) *Tabomiuzli*, *Nezemuisclen*, др.-чеш. *Zemysl*.

Рассматривая сербскохорватские сложные имена со вторым компонентом **-myslъ* и их инославянские соответствия, И.М. Железняк не смогла объяснить первые части некоторых из этих антропонимов.²⁹ На наш взгляд, их этимология может быть установлена путем широкого привлечения сравнительного материала.

С.-хорв. **Meremisl*, сохранившееся в топониме *Meremišlje* (Босния и Герцеговина), содержит ту же основу германского происхождения **mēr-* со значением ‘великий’, что и др.-русск. *Володимѣрь*³⁰ и некоторые другие имена. В фонетическом отношении ср. многочисленные сербскохорватские топонимы с корнем *Mel-* (< прсл. **měl-*). В Хорватии неоднократно встречаются топонимы, образованные от гипокористических имен с этой основой: *Merilov vrh*, *Merišće*, *Merolino Sikirevačko*.³¹

У поморских славян известно имя **Tabomyslъ*: “*Tabomiuzli*” в источнике IX в. Его первая часть представлена и в антропониме **Tabomirъ*: с.-хорв. *Tabomir*, Босния и Герцеговина; польск. *Tabomir*, фамилия,³² и образована сложением слав. **ta* (исконная частица, как и ее звонкий вариант **da*) и **bo* (модальное наречие со значением возможности, выделения, утверждения, подтверждения, сопоставления с причинно-следственным оттенком и союз со значением причины): ст.-слав. *bo* ‘ведь, ибо, поистине, итак, поэтому’ и др. (в основном в значении ‘потому что,

губерния. СПб., Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1868. С. 505; Списки населенных мест Российской империи. VI. Владимирская губерния. СПб., Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1863. С. 63; *Rymut K.* (red.). *Słownik nazwisk współcześnie w Polsce używanych*. Kraków, IJP PAN, 1992-1994, t. II. S. 86; *Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske*. S. 226; Url: <https://vocabulary.ujc.cas.cz/>; *Rymut K.* (red.). *Nazwy miejscowe Polski*. Т. II. S. 48; *Imenik mesta u FNRJ*. S. 239; *Вагнер Б.Б.* Карта рассказывает: Природа и история, имена и судьбы в географических названиях Подмосковья. Топонимико-краеведческий словарь. М., Книга по требованию, 2014. С. 603.

²⁹ *Железняк И.М.* К семантической интерпретации антропонимических композитов со вторым компонентом *-mysl-* в сербскохорватском языке. С. 160.

³⁰ Этимологию последнего см в: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 3-е изд. СПб., Азбука, 1996, т. I. С. 326.

³¹ *Imenik mesta u FNRJ*. S. 288; *Registar geografskih imena Republike Hrvatske*. S. 164.

³² *Пачич И., Коллар И.* Именослов. У Будиму, Словима кр. Всеучил Пештанског, 1828. С. 103; Url: <https://nfsbih.ba> (23.7.2017); *Dziennik Białostocki*. Środa 15 listopada 1933 (№ 317). S. 4 // Url: pbc.baiman.pl (23.7.2017).

ибо'); таким образом, она означает примерно 'так ведь, да потому что' и несет ярко выраженное значение мотивировки, обоснования выбора имени. **Ta* часто является основой местоименно-наречных образований: *ta-d-*, *ta-i*, *ta-ko*, *ta-mo* и др. Подобные трехчленные конструкции известны в славянской антропонимии и в других случаях, ср. с.-хорв. *Дабжив*, *Дабживив*, *Дабислав*. Привлечение др.-польск. *Tabaj*, *Tabala/Tabala*, *Tabasz*, *Tabęzd(s)ki*, *Tabisz*, личные имена, польск. *Taba*, *Tabiak*, *Tabiasz*, *Tabich*, *Tabin*, *Tabosz*, *Tabów*, фамилии, рискованно из-за возможности других объяснений (от *Tobiasz* или тюрк. *Tabisz*).³³

Другой древнекашубский антропоним – *Nezemuisclen* (XI в.) следует, видимо, интерпретировать как **Nezamyslъ* с добавлением немецкого суффикса, ср. др.-польск. *Niezamysł*, 1136 г.³⁴

Древнечешский антропоним *Zemysl* мы объясняем как возникший путем гаплогонии из первоначального *Zemimysl*, также представленного в древнечешском.³⁵ Усечения в первых частях двучленных антропонимических основ происходят и не при столь располагающих к ним фонетических условиях, ср., например, польский ойконим *Nowy Tomyśl* (город в Познанском воеводстве), упоминаемый также в форме *Lutomysł*, др.-русс. *Дормислова поляна*, *Радоць* (см. выше) и др.³⁶

В рассмотренных примерах представлены как основные структурные типы антропонимов, характерные для славянских языков (равные основе (полные и гипокористические), суффиксальные, сложные), так и типы их отражения в онимической системе (имя известно в данном языке, в других славянских языках, сохранилось лишь в топонимии, реконструируется на основе сохранившихся производных образований, лексических, номинационных и словообразовательных параллелей). Выявление антропонимических изолексов между различными славянскими языками имеет большое значение для изучения их генетических связей.

³³ Słowski F. (red.). Słownik prasłowiański. Wrocław etc., Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wyd. PAN, 1974-2001 (издание не завершено), t. I. S. 285-286; *Трубачев О.Н.* (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Вып. 2. С. 141-142, 180; *Havránek B.* (věd. red.). Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Praha, Academia, 1973-1980, sv. 2. S. 92-93, 627-631; *Грковић М.* Речник личних имена код Срба. С. 71; *Taszycki W.* (red.). Słownik staropolskich nazw osobowych. T. V. S. 414; *Rymut K.* (red.). Słownik nazwisk współcześnie w Polsce używanych. T. IX. S. 473; *Cieślakowa A., Malec M., Rymut K.* (red.). Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych. S. 318.

³⁴ *Taszycki W.* (red.). Słownik staropolskich nazw osobowych. T. IV. S. 61.

³⁵ *Jungmann J.* Slovník česko-německý. V Praze, 1835-1839, d. V. S. 652.

³⁶ См. *Rymut K.* Nazwy miast Polski. Wrocław etc., Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wyd. PAN, 1987. S. 166.

A b s t r a c t

On reconstruction and interpretation of some ancient anthroponymical stems in the slavonic languages

In the article, the origin of several personal names mentioned in the medieval sources and extracted from different Slavonic languages is discussed. Some of them are not attested and are reconstructed on the basis of both anthroponymical and (or) toponymical derivatives. These examples cover all basic types of Slavonic anthroponyms and of their representation in the onomastic system as well.

Keywords: anthroponym, Slavonic languages, reconstruction, etymology, toponym, isolex